

Гремят стихи, как с высоты гроза...

БОСИКОМ ПО КАМНЯМ

ЕЛЕНА ХОЛОДОВА впервые засветилась на литературном горизонте в 14 лет на конкурсе детского юношеского центра «Эго» «Дебют-2004».

Она стремительно вошла в обиход профессиональных писателей: двухтомник прозы и поэзии, выпущенный в 16 лет, в 17 лет принята в Союз российских писателей на региональном уровне, в том же году выпущен сборник в серии «Литература Магнитки: Избранное» (проза). В январе нынешнего года в первом номере Санкт-Петербургского журнала «Нева» опубликованы четыре ее рассказа. Холодова получила высокие отзывы от заместителя главного редактора журнала «Нева», Натальи Гранцевой, которая назвала ее одним из лидеров молодежной литературы в современной России.

Вот что пишет о Холодовой обладатель Пушкинской медали, заведующий кафедрой русской классической литературы МаГУ, доктор филологических наук Александр Власкин в статье «С пристрастием о подлинной поэзии»: «Я – человек пристрастный (а кто не пристрастен?). Может быть, у меня завышенные мерки (а почему их нужно снижать?). Но в последние месяцы шесть я живу под впечатлением открывшегося редкого поэтического дарования. Мне предложили прочитать стихи и прозу Елены Холодовой. А в результате я сам вызвался писать о своих впечатлениях (что было у меня впервые)».

Надеюсь, с этой большой и точной литературоведческой статьей беспристрастного ученого мы в ближайшее время ознакомимся, а пока слово состоявшемуся автору, студентке Магнитогорского государственного университета – Елене Холодовой...

ЮРИЙ ИЛЬЯСОВ,
член Союза российских писателей.

Елена ХОЛОДОВА

Романтическое

Отснились сны про ласковое лето,
Прошла любовь, как поезд мимо гор,
И стал темнее тюль тяжелых штор,
И стало меньше в темном зале света.

И странно грустно. Грустно и светло.
И мне почти не верится, что было
С тобою нам и горько, и тепло,
Что ты любил, и я тебя любила.

Ты помнишь ночь в жасминовом бреду?
Шальные звезды в синих тучах тлели,
И вечностью казалась нам неделя
В том високосном роковом году.

А нынче мы так страшно далеко,
Что от объятий только дальше будем.
Но странно грустно. Грустно и легко.
И ветер мне сухие губы студит.

Посвящается другу, поэту
А. Смирнову

1.
Вы явились, как черт,
из черт знает какой табакерки
С философией жизни, которой
не ведал Сократ.

По какой, дядя Саша, скажите,
мне мерить вас мерке,
Когда сердце у вас больше солнца
на небе стократ.

Не любить вас нельзя с вашим вечным
ослиным упрямством.
Я люблю вас как песню,
как первый удавшийся стих.
Я люблю вас, заметьте,
с завидным для баб постоянством,
Я люблю вас, как любят попутчика
в долгом пути.

2.
Кричим о страсти, вовсе не пылая,
И врем себе в избрничестве так,

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

Что кажется, в собачьем злобном лае
Проглядывает тайный божий знак.

До хрипоты орем в нелепом споре,
Решая катастрофы бытия.
И чаще всех слетает слово «я»
С холодных губ в горячем разговоре.

А по утрам запавшие глаза
Прикрыв рукой, как жемчуг, сыплем строки.
Гремят стихи, как с высоты гроза...
Друг перед другом все мы – полубоги.

Вдруг задохнешься, словно от удавки.
И глянешь в небо, в лик немой луны.
Как в тексты, в жизни многих
вносим правки.
А вот свою поправить – не вольны.

3.
**Я разглядел в глазах волчонка
Следы совсем не детских слез...**
Из стихотворения А. СМЕРНОВА

Спасибо, что видите слезы
большого волчонка.
А взрослые волки не плачут. Вы воете на
Луну золотую и смотрите вверх обреченно,
И ждете, что вас пожалеет старуха-луна.

Но ей до волков, как волкам до событий
в Марокко.
Она с высоты и не видит тоскующих глаз.
На небе среди звезд ей совсем уж
не так одиноко,
Как нам на земле. Ей совсем не до нас,
не до нас...

4.
Наша жизнь как нота,
Взятая высоко.
Все мы за одно тут
Душу рвем на строки.

Муза стала старше,
Упорхнула к людям.
Знаешь, дядя Саша,
Спой, полегче будет.

Все светлей и тише
В комнате поэта...
Дядя Саша, слышишь,
Скоро будет лето!

5.
Так бывает – жизнь загонит в угол
И кастетом двинет по губам.
«Не бойсь! – скажу тебе как другу –
На испуг берет тебя судьба!»

Так бывает часто, слишком часто,
Так бывает – камень на пути.
Годы мчатся, ох как быстро мчатся,
Подожди ты, время, не лети!

Да не торопись ты, жизнь, к финалу,
Сердце-то в груди – как в двадцать лет.
Не устало биться, не устало
Молод до седых волос поэт.

Дядя Саша, слушай, дядя Саша,
Улыбнись, все будет хорошо –
В мире все – за наши строчки – наше.
Радуга – веселый дождь прошел.

Так бывает

Холодно и хрупко нынче в небе белом.
Белые одежды ветер развеивает.
Разве так бывает, что душа и тело
Мучают друг друга? Так всегда бывает...

Далеко ли близко путь нам стелет вьюга,
Путая дороги белой кутерьмой?
Разве так бывает – не найти друг друга,
Потерять друг друга навсегда зимою?

Разве так бывает – веющий сон воскресный?
Снилось мне, что в небо белые трамваи
Катаются и тают, и струится песня...
Разве так бывает? Значит, так бывает...

Холодно и хрупко – не видать дорогу.
Только в белом мире вьюга завывает.
Разве так бывает людям одиноко?
Да, и так бывает...

Вечные знакомые

Вы так же опасно молоды,
Как тысячу лет назад.
Вам так же сегодня холодно
Встречать распаленный взгляд.

Вы так же притворно – искренне
Желаете быть один,
И так же гордитесь истою
Любовью в своей груди.

Вас так же прельщают трудности
И тихий, цветущий сад.
Вам так же не надо юности,
Как тысячу лет назад.

Вы так же со мною вежливы
И так же со мной грустны
В изысканном фраке бжевом
На самом краю весны.

Бабочки-поденки

До смерти – лишь несколько взмахов крыльев,
Секунды равны векам...
И все же мы счастливы – мы ведь были
Доверчивы к облакам.

И все же мы счастливы – в каждом миге
Любовью взахлеб дышат.
Растает в небесном густом индиге
Одна на двоих душа...

Трамвай

Красной чертою проспекты разрезов,
Льется трамвай по полосочкам рельсов.

В этом трамвае, на стеклах рисунки,
Пьяный помянет Всевышнего всуе.

В этом трамвае, сквозь зиму летящем,
Мало кто здраво живет настоящим.

А за окошком, лоя каждый выдох,
Ходит зима и не может согреться...

«Вам на какой остановке на выход?» –
«На остановке сердца...»

Время

Я – не из дам. Не из пиковых.
Не из прекрасных.
Что-то воздам, что-то возьму, не прося.
Я – не из светлых. Я уж скорей
из ненастных.
В день превратится с ночной душою нельзя.

Я не из робких, скорее из смелых. Из глупых.
В явь черно-белую смотрит сиреневый сон.
Каждую боль увеличит душа, словно луна,
Каждый смехок превращается
в сдавленный стон.

Каждый прохожий, лицом на тебя
не похожий –
Мне ненавистен. Сплошная, как море, тоска
Волос затеплила белым и вьелась под кожу,
Шепчет на ухо, что надо кого-то искать.

Только кого? Ведь давно же
все найдены, право,
Время знакомства, признаний,
кровавой расправы.
Время над i вместо точек
поставить тире,
Время из повести жизни вычеркивать главы,
Время честнейшей победы в нечестной игре.

Жрец

Вот уж поистине чудовищем дол-
жен быть тот человек, по которому
после его смерти не заплачет хотя
бы одна женщина...
АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Когда-нибудь и над твоею грудью
Взметнется узкий жертвенный клинок.
Алтарь тебе – ночные перепутья
Нехоженых, неведомых дорог.

И кровь твою, горячую, как слезы
Всех тех, чью душу в храме ты исторг,
Увидят равнодушные березы
И розовый безжалостный восток.

И ни одна из женщин в целом свете
Слезы в залог души твоей не даст.
Ты здесь один. С тобою только ветер
И мука покаянья навсегда.

ВЛАДИМИРУ БАРТКОВУ

Ты снишься мне в монашеских одеждах,
Один, как василек в созревшей ржи.
А я смотрю, и нет во мне надежды,
Что мы пришли надолго в эту жизнь.

«Да будет храм!» – «Да, будет, но из кости.
Из черепов построен будет храм...»
Ты снишься мне – без нежности и злости,
Открытый всем лютующим ветрам...